
Подпольные организации школьников в СССР периода Большого террора

Волкова И.В., доктор исторических наук, профессор школы исторических наук Национального исследовательского университета Высшая школа экономики (wolkowa-irina@yandex.ru)

Статья посвящена изучению организованных подростково-юношеских группировок с делинквентным и политическим уклонами в период Большого террора 1936-1938 гг. Несмотря на высокий уровень напряженности в обществе, подростки и юношество этого времени не прекращали попыток создания на основе самоорганизации нелегальных, альтернативных комсомолу и пионерии группировок. На базе архивного материала воссоздается полный список таких объединений, анализируется их состав, планы, методы и результаты деятельности. Реконструируются мотивационные основания типов поведения вовлеченных в них подростков, раскрываются взаимосвязи между делинквентностью и политическим протестом в активности учащихся. Проведенная работа подводит к заключению о причинах относительно небольшого веса оппозиционных группировок с преимущественно политической специализацией среди подростков и юношества в рассматриваемый отрезок времени.

Ключевые слова: организованные нелегальные сообщества подростков и юношества, делинквентное поведение, политический протест, взаимосвязи между делинквентностью и политическим протестом.

Для цитаты:

Волкова И.В. Подпольные организации школьников в СССР периода Большого террора. [Электронный ресурс] // Психология и право. 2015(5). № 4. С. 14-25. doi: 10.17759/psylaw.2015050402

For citation:

Volkova I.V. The illegal organizations of the school pupils in the Soviet Union of Great Terror Period [Elektronnyi resurs]. Psikhologiya i pravo [Psychology and Law], 2015(5), no. 4. pp.14-25. doi: 10.17759/psylaw.2015050402

Тайные общества, нелегальные организации среди школьников периода наивысшего напряжения в советском обществе, вызванного тремя московскими процессами 1936-1938 гг., еще не были предметом исследований, если не считать журналистской заметки «Контра с портфелями» [1] и упоминания в издании общества «Мемориал» о раскрытой в канун Великой Отечественной войны органами НКВД подпольной группировки тайшетских школьников «Союз революционной борьбы» [3]. Правда представление о ней ограничивается скудными сведениями о критике политики советского руководства, изготовлении нескольких листовок и подготовительной работе к свержению власти Коммунистической партии и советского правительства. Вместе с тем, заявленная тема позволяет лучше представить реальную обстановку, в которой происходило становление поколения, вынесшего на своих плечах все тяготы и испытания войны, а также выяснить состав ценностных ориентаций и размеры нонконформизма в этом поколении. Нелегальные организации – продукт своего рода самодеятельного творчества юношества – самим фактом своего появления как минимум указывали на неудовлетворенность членством в массовых, созданных властью организациях – пионерской и комсомольской. Как максимум – на неприятие этих организаций, равно как ценностей и идеалов правящего режима и политики советского руководства. Воссоздание образов юношеской конспиративистики в той мере, в какой это позволяют сделать источники, дает возможность оценить практическую отдачу разнообразной работы по насаждению идеологией, представлений и верований существующего строя, которая в официальных документах определялась как «коммунистическое воспитание учащихся». В частности, увидеть провалы этой работы, которые в немалой степени способствовали возникновению неподконтрольных школе и комсомолу очагов самоорганизации учащихся. Наконец, количественный учет таких группировок, в большем или меньшем приближении, позволил выявить процент политически нелояльных учащихся, а также учащихся с разными формами девиаций. За основу учета были взяты те объединения, в которых прослеживаются признаки организационной структуры: условия членства, устав или же предписанная модель повеления, программа или план деятельности, головное звено, ритуалы и практики, символы.

Значительный документальный массив по данной теме образовался за счет деятельности комсоров ЦК ВЛКСМ, которые с 1935 г. вводились в школы крупных городов. Руководя идейно-политическим воспитанием школьников, они одновременно методично фиксировали разного рода отклонения от генеральной линии партии в детском и взрослом коллективах и докладывали о них в ЦК ВЛКСМ, которому были напрямую подчинены. Именно их донесения, наряду со сводками информации, поступавшими по линии НКВД и политотделов разных госучреждений, попадали в записки, отчеты и справки городских, республиканских и союзного комитетов ВЛКСМ. Данные документы, составляющие основную часть документальной базы, содержатся в фонде М-1 РГАСПИ (ЦК ВЛКСМ), а также Ф. П-635 ЦГАМ (Московский комитет ВЛКСМ).

Другой документальный массив образовался по ходу обсуждения учебно-воспитательной работы школ в стенах Наркомпроса. Это – стенограммы совещаний, докладные записки руководителей и инспекторов отделов народного образования разного уровня, письма и записки, адресованные руководству наркомата отдельным его работникам и родителей учащихся. Эти документы сосредоточены в ф.2036 ГАРФ (Министерство просвещения РСФСР). Несмотря на то, что педагоги специально не отслеживали настроений и противозаконной деятельности учащихся, они не могли оставаться в стороне от тех нештатных ситуаций, которые время от времени сотрясали школу. Этот комплекс также содержит информацию по интересующему нас вопросу, хотя и более скупую, чем материалы

комсомольского мониторинга. Взятые вместе обе подборки документов позволяют создать панораму нелегальных организаций школьников. Для их структурирования и анализа попробуем оценить их по условным шкалам. Во-первых, оппозиционности существующему режиму с его запросами к подрастающему поколению и насаждаемыми ценностными ориентациями. Во-вторых, делинквентности, под которой понимается отклоняющееся поведение в крайних своих проявлениях, максимально приближенное к криминальному [4].

Очевидно, что вблизи нулевой отметки и той, и другой шкал могла бы разместиться группа школьниц «Союз отважных» из г. Постышево (ныне Красноармейск Донецкой обл.). О ней в начале 1937 г. доносил помощник начальника полиотдела Одесской железной дороги в политуправление Наркомата путей сообщения. Она насчитывала 11 девушек-учениц 9-х – 10-х классов 22-й школы, почти все – комсомолки, отличницы и хорошистки и даже участницы кружковой работы в школе. Тем не менее, не довольствуясь последней, девушки создали свой союз и разработали для него программу со следующими положениями: «Никогда не ссориться, а если, в противном случае поссоримся, сейчас же...мириться, всегда выручать друг друга из беды, несмотря ни на что, помогать друзьям в их беде, никогда не обижать друг друга, исполнять приказания Союза, что бы то ни было, делиться хорошими вещами, жить честно и бороться с некультурностью. Делиться конфетами». В повестку дня первого же заседания вошли пункты: «1. Утверждение программы; 2. Организация вечеринки; 3. Сбор средств и обсуждение сметы; 4. Кто кого любит?».

Аполитичность, определенное копирование в межличностных отношениях уклада жизни молодежных коммун, популярных еще в конце 1920-х, начале 1930-х (делиться «хорошими вещами» и «конфетами»), идеалы честности, беззаветной дружбы, взаимовыручки и «культурности», восходящие к топосам официальной идеологии, – все это отражало последовательную и даже усвоенную в максималистском варианте советскую идентичность. Что же могло показаться подозрительным недремлющим органам в этом девичьем объединении? Во-первых, обособление от комсомола и флер таинственности, во-вторых, стремление к утверждению собственной организационной структуры с программой, вступительным взносом в размере 50 коп., проведением собраний. Автор донесения связывал саму инициативу девушек с бездействием комсомольской организации школы («была оторвана от учеников, не вела авангардной роли..., никакой работы среди девушек не ведется») [6, д. 1257, лл. 84-85].

Другая организация школьников из Рославля может быть отнесена к середине условной шкалы враждебности правящему режиму. Один из основателей организации – Александр Панов, восьмиклассник 13-й школы Рославля – еще в 1934 г., будучи пионером, предлагал присвоить своему пионеротряду имя Троцкого. В домашней библиотеке он держал портреты осужденных партийных оппозиционеров, а позднее отговаривал товарища от вступления в комсомол: «...если ты вступишь в комсомол, будешь последним животным». Вместе с двумя соучениками он создал подпольную ячейку – «союзное бюро», которая сразу же занялась разработкой декларации своего объединения, символа, условных знаков и паролей. А самое главное – изданием рукописного журнала «Грусть века», затем переименованного в «Серапионовы братья» (в честь литературного объединения 1920-х), который должен был стать и площадкой общения со сверстниками, и инструментом влияния на них. На его страницах под псевдонимами А. Слезберг, В. Шершеневич, А. Беспокойный, де ла Фер, Вольтер, А. Мариенгоф со стихами, литературно-критическими очерками и зарисовками из текущей жизни выступали восемнадцать постоянных авторов. Судя по некоторым псевдонимам, опросу мнений авторов и читателей о символистах и имажинистах, а также восторженному очерку о С. Есенине, «коньком» журнала должен был

.....
стать Серебряный век русской литературы. На эту склонность указывал и информатор, сообщая, что основатели журнала своей задачей «поставили писать обо всем том, что отвергнуто нашей современной советской литературой (грусть, тоска, скука, упадничество, маловерие, нытье и т.д.)». Коллаж из стихотворных строф, приведенный в документах, показывает, что вдохновители журнала делали ставку на развитие индивидуального сознания и независимого взгляда на литературу и окружающий мир у своих авторов и читателей:

Мы выпускаем свой журнал
И называем «грустью века».
Мы хотим, чтобы каждый знал
В чем есть цель жизни человека.
Отчего у нас люди не смелы
И боятся свой труд показать,
Потому что боятся – не скажем им дело,
А постараемся их осмеять.
Так слушай же, товарищ мой,
Приди в журнал ты к нам,
Не будь ты для других слугой,
А будь хозяин сам.

Развиться журнал поможет,
Точку опоры найдет,
Мысль тебе в голову вложит,
Делом на помощь придет.

В некоторых стихотворных строчках открыто выражалось разочарование в жизни, и даже готовность с ней расстаться, очевидно, навеянная финалом жизненного пути любимого Есенина и подражательным уходом некоторых из его пламенных почитателей:

А как глянешь на жизнь из окна
Самому мне становится жутко
Для чего же нам жизнь дана,
Жизнь – кровавая, злая шутка.

Скука жить не дает,
Ходишь вечно мрачный,
Пессимизм меня зовет
В гроб дубовый, страшный.

Оставляя в стороне оценку литературных достоинств и даже грамотность процитированных строк, отметим их главенствующие мотивы – поиск смысла жизни, стремление к идейной независимости и общению в кругу себе подобных. За этой тенденцией усматривается, прежде всего, отвержение школьных порядков с их унифицирующим коллективизмом и неумолимой дисциплиной. Это подтверждало признание самого создателя «союзного бюро» и журнала А. Панова в письме к брату: «Я чувствую какую-то отчужденность от учеников и общественной жизни школы. Я хочу не такой покорной бараньей жизни, как у нас. Мне не нравятся некоторые порядки школы. Например, для чего вставать при входе учителя, почему ученическое управление только называется так, а на самом деле все мы находимся под пятой директора. И много разных "для чего" и "почему", и чтобы разъяснить эти "для чего" я выступаю на собраниях, говорю с учениками». И хотя из-за этих публичных филиппик он прослыл среди соучеников «анархистом» и «троцкистом», а директор ему пригрозил «неудом» по дисциплине за неподчинение, он не собирался менять стиль поведения, который по второй условной шкале можно отнести к срединному уровню делинквентности. Брату Панов признавался: «Вот этими волнениям, этой "бунтарской" жизнью я и весел». А его окончательной компрометации в глазах товарищей и учителей послужило общение с отпетым хулиганом Зайцевым и дебош, устроенный на перемене «все от той же скуки, однообразия и монотонности». Очевидно, что неважная репутация Панова сказалась на неодобрительном отношении к сближению с ним и с его журналом родителей некоторых соучеников. Во всяком случае, когда об этом стало известно отцу одной из юных поэтесс, тот не замедлил донести о журнале и его организаторах в партком вагоноремонтного завода Рославля [6, д. 1188, лл.119-145].

Случай Панова характерен как пример сопряженности изначальной идеологической враждебности режиму с поведенческой делинквентностью. Тяга к своей микросреде духовного общения, основанной на отрицании советского оптимизма, общественной активности, дисциплинированности и других прививаемых школой личностных качеств, в какой-то момент прорвалась в открытое конфронтационное поведение с элементами демонстративной криминальности.

Сочетание поведенческой делинквентности с проявлениями политической оппозиционности режиму составляло почти универсальную черту детско-юношеской подпольной самоорганизации. Правда следует отметить несколько эпизодов, которые выпадали из данного ряда. Так наивысшую делинквентность и нулевую политическую оппозиционность являл собой обезвреженный милицией в 1936 г. «Союз юных бандитов» (сокращенно «СЮБ») из села Борисовка Курской области. Примечательно, что этот союз из шести девятиклассников родился в красном уголке местной школы. Обязательства членов, подписанные кровью, требовали: 1. Добиваться образования за десятилетку. 2. Каждому дать кличку из кинокартины «Путевка в жизнь». 3. Один за всех, и все за одного. 4. Попавшись в ловушку, умереть, но не выдавать членов «СЮБ». Своей ближайшей задачей они поставили накопление оружия, с помощью которого намеревались совершить ряд краж, после чего с большой суммой денег выехать на Кавказ или в Крым. Часть этого плана блестяще реализовалась: милиция изъяла у парней арсенал оружия, денежную сумму в размере 6703 руб., добытую в результате серийных ограблений, и наворованные вещи, которые складировались все в том же красном уголке. Все подельники отправились за решетку [6, д.1188, лл.115-116]. Данный случай интересен совмещением криминального уклона в поведении подростков с их высокой социализацией. Судя по разработанному регламенту, некоторые ценности общества победившего социализма, в частности, десятилетнее образование, товарищество были хорошо усвоены и даже претворены в

руководство к практическому действию. Парадоксальным образом они поклонялись культовому советскому фильму, посвященному как раз преодолению уголовных наклонностей и приобщению к честному труду беспризорников 1920-х. А местом встреч и хранения награбленного сделали красный уголок школы. В этой связи можно предполагать, что отъем чужого имущества и денег с применением оружия в сознании подростков контаминировал с тотальной экспроприацией собственности у истоков советского государства, подававшейся официальной пропагандой как акт высшей социальной справедливости. Скорее всего, осмысление под таким углом зрения собственных действий, соответствующее типичному стремлению уголовников к самооправданию, содействовало романтизации криминала и даже снимало барьер на пути использования в своих целях сакральной точки школьного пространства.

Несколько детских бандитских группировок действовали в ближнем Подмосковье: в Красногорском районе – шайка «Тушинский вор» с собственным обширным планом работы, в Воскресенском районе – «Воскресенские черти», имевшая свой устав, членский билет, по которому регулярно уплачивались взносы [7, д. 403, л. 60]. Отсутствие в источниках информации об антисоветских настроениях и вылазках их участников, скорее всего, говорит в пользу исключительно уголовной специализации, а любовно подобранные самоназвания – о той же идеализации уголовщины, которая была присуща и СЮБ.

Если среди криминальных группировок имелись примеры исключительно уголовной специализации (не осложненной элементами политического противостояния власти), как три вышеприведенных прецедента, то в объединениях политической направленности к оппозиционности всегда примешивалась делинквентность. Даже организация из учащихся 9-х – 10-х классов школы Таштыпского района Хакасии, арестованная НКВД в 1937 г. и квалифицированная как политическое подполье, вела войну с режимом в формах, которые тяготели к хулиганству. Помимо распространения по району контрреволюционных листовок, участники этой группы рисовали фашистскую свастику на стенах и оскверняли портреты вождей. По версии следствия, они действовали по заданию троцкистского центра [6, д. 1255, л. 55]. Однако и этот пример относительно низкой делинквентности – исключительный. Гораздо более распространенными являлись случаи, в которых враждебность существующему строю и официальной идеологии, варьирующаяся от среднего до самого высокого уровня, сочеталась с высокой делинквентностью, уголовной или морально-бытовой.

Комбинацию высокой делинквентности и средней политической оппозиционности показывает целый ряд организаций. В частности, подпольный кружок «Союз говельщиков», образовавшийся в конце 1936 г. в поселке Чернь Тульской области как ответвление местной взрослой хулиганской шайки, называвшей себя «Чернская хулиганская партия» («ЧХП»). В состав подросткового союза вошло 16 учеников местной школы, из них пятнадцать восьмиклассников и один шестиклассник. Двенадцать из них были пионерами, и, что было всего позорнее для школы, один из них являлся председателем Совета пионерской организации школы. «Союз говельщиков» совмещал в себе признаки бандитского сообщества гомосексуальной окрашенности с элементами политического подполья. От членов союза требовалась отличная физическая подготовка, победы на всех спортивных состязаниях и железная дисциплина: нарушителя предписанных норм, например, ученика, оставшегося на классное собрание, прогоняли сквозь строй. Название организации и некоторые ее ритуалы были подсказаны игрой, в которой разнузданные подростки хватили за половой член одного из своих сотоварищей, определяя это действие как «разговеться», или «поговеть». В «союзе» был выработана конституция, гласившая: «1. «Союз

говельщиков» есть организация учеников 8-го класса. 2. Право на «говенье» имеют все члены организации. 3. Говенье происходит после уроков по вторникам и пятницам. 4. Во время говенья говельщиками издаются дикие крики. 5. Правительство «Союза говельщиков» состоит из главы говельщиков, посадника, тысяцкого, боярина, палача, подмастерья, фельдшера, гнойщика, чесальщика. 6. Нарушения конституции карается высшей мерой наказания – баламбой, и даже проведением через строй. 7. Столица говельщиков есть уборная. 8. Герб «Союза говельщиков»: в середине жаровня, под ней в огне череп в двух пересекающихся костях. 9. Некоторым говельщикам даются поощрения: давать говеть за голый член».

В принципе атрибуты союза в виде «конституции», эмблемы, своей оберегаемой территории, распределения ролей были присущи популярной во все времена детской игре в выдуманную страну [2]. Кардинальное отличие от известных нам литературных примеров состояло в высокой степени делинквентности, выражающейся в половой распущенности «говельщиков», бандитском почерке автопрезентации – «дикие выкрики», прогон сквозь строй нарушителей – и в категорическом уклонении от участия в общественной жизни школы. Последнее правило рифмовалось с незыблемой для криминального мира позицией отказа от любого сотрудничества с властью.

Политизированный характер развратным играм придавали, во-первых, изобретенные политические символы, а во-вторых, структура ролей. Часть из них была скопирована с древних новгородских вольностей («посадник», «тысяцкий», «боярин»), что придавало затее видимость реконструкции средневековой республики. А самое главное – «Союз говельщиков», как утверждали в своих показаниях сами участники, был изначально противопоставлен формально существующей пионерской организации школы, а вскоре превратился в ее вполне реальную альтернативу. Этим объяснялась озабоченность ситуацией в Чернской школе центральной власти – во всяком случае, расследование по ней в 1937 г. проводила бригада проверяющих во главе с членом ВЦИК Носовым, а докладная записка была направлена председателю ВЦИК М.И. Калинину и зам. председателя СНК РСФСР Д. Лебедю [5, д. 2291, лл.49 -67].

Похожая, хотя и более «продвинутая» соответственно возрастному составу участников нелегальная организация существовала в 1936-1937 гг. при Хуторском сельсовете и избе-читальне Челябинской области под вывеской «кружок любителей естествознания». Объединившиеся в нем двенадцать развязных парней и девушек в возрасте от 17 лет до 21 года под водительством изгнанного из колхоза и неработающего парня Чернотелова изучали детородные органы и состояли друг с другом в половой связи. Более того, участники кружка пытались приобщить к своим занятиям односельчан, выводя мочой на снегу полюбившиеся им названия гениталий. А в торжественный день памяти Ленина непристойными действиями сорвали читку его биографии на официальном собрании [6. д. 1234, л.103].

О целом ассортименте разнообразных девиаций самой высокой интенсивности в школах Сыктывкара сообщала в горьком комсомола мать одной из учениц А.Н. Челнокова. Несколько детских банд из разных школ регулярно совершали кражи и втягивали в воровство соучеников, резали в раздевалках пальто и натягивали девочкам платья на головы, насаждали в школах пьянство и разврат. Особенно выделялась 1-я Читская школа, в которой, помимо описанных безобразий, такая группировка распространяла контрреволюционные анекдоты и песни, на стенах систематически рисовала фашистские знаки, сочиняла и отправляла по рукам альбомы сомнительного идеологического содержания. При вступлении в шайку ученик давал клятву «не быть легавым», а в знак

верности банде делал надрезы бритвой на руке. Возбужденная по этому сигналу проверка полностью подтвердила изложенные факты [6, д. 1265, лл. 53-60].

В Темниковской средней школы Мордовской АССР, как установила проверяющая комиссия, среди школьников были вообще распространены антисоветские настроения. На уроке истории на вопрос учителя, почему будущая война против Советского Союза будет самой опасной для буржуазии, один из учащихся ответил: «Буржуазия пойдет на Советский Союз, кулачество восстанет, привлечет на свою сторону колхозников, и все вместе выступят против советской власти». А на встречный вопрос учителя: «Чем вы это обосновываете?» пояснил: «Положение в деревне плохое, вы вот снимите галифе, поезжайте в деревню, послушайте, что говорят крестьяне. Только похуже оденьтесь, и вы все узнаете». С этим мнением были согласны и другие ученики. В конце 1936 г. в этой школе была выявлена банда из десяти учеников шестых и десятых классов, которыми руководили взрослые уголовники. Только за два неполных месяца осени 1936 г. она совершила 7 ограблений. А на протяжении двух лет своего существования данная группа учеников непрерывно терроризировала школу: срывала уроки и массовые мероприятия, часто являлась в пьяном виде на занятия. Такая целенаправленная дезорганизация и учебного процесса и советских торжеств в местном контексте приобретала значение открытого вызова системе [6, д. 1265, лл. 37-39].

В 15-й школе Иркутска в 1937 г. выходил подпольный журнал, пропагандировавшей уголовщину и даже наставлявший своих читателей: «Если ты во время воздушной тревоги находишься в Госбанке, то набивай в карман червонцы и езжай скорее за границу». Часть учащихся этой школы создала контрреволюционную группу под названием «Коми» («контрреволюционная организация молодых интеллигентов»), ставившую целью подготовку молодых террористов [6, д. 126, л. 224].

Настоящий спрут детского бандитского подполья сложился в Узбекистане. Хулиганствующие подростки Ташкента, начав с приобщения к наркотикам, пьянству, картежным играм, воровству и разврату на базе городских притонов, быстро превратились в преступные сообщества, державшие в страхе несколько районов. Материалы двух уголовных процессов, прошедших по всей совокупности выявленных фактов бандитизма в апреле 1935 г. и в декабре 1935 г. – январе 1936 г., вскрыли отлично налаженную организацию и даже кооперацию внутри этого уголовного детского мира. Он охватывал контингент численностью более двухсот человек, разделенных на бригады, каждой из которых по взаимному соглашению присваивались свои опознавательные знаки. Таковыми для чикманской, полторацкой и кошгарской служили «золотые зубы», для алайской – капитанки и лакированные сапоги со спрятанными в голенищах финками, для полторацких девушек – парчовые тюбетейки, носившиеся надвинутыми на лоб, и прическа «чарльстоун». Наряду с разбойными налетами на квартиры, магазины, раздеванием прохожих на улицах, вымогательством денег у школьников и учителей, избиением и запугиванием тех, кто пытался сопротивляться, в сферу их деятельности входила организация подрывных действий против советской власти. Так, они уничтожали вырванные из газет портреты советских вождей, накануне революционных праздников срывали развешанные красные флаги, атаковали и избивали школьников – участников первомайских и октябрьских демонстраций. Кроме того, группа 12-13-летних отморожков зарезала финским ножом 15-летнего сына рабочего-стахановца, возвращавшегося из школы. Расправа над подростком сопровождалась выкриками: «Одним стахановцем будет меньше!». По приговору суда участники самых тяжких преступлений в возрасте от 14 до 24 лет были приговорены к заключению, а подростки меньшего возраста частью были направлены в исправительно-

трудовые колонии НКВД, а частью – на производство. Похожие явления наблюдались и других городах республики – в Коканде и в Бухаре [6, д. 1188, лл. 40-45].

Не менее впечатляющий пример подросткового уголовного экстремизма представляла собой банда 40 школьников 13-15 лет из неблагополучных семей, раскрытая в 1936 г. уголовным розыском в Лодейном Поле. За два-три года своей деятельности она совершила 18 крупных краж со взломами из советских и кооперативных учреждений и до 100 мелких. При этом штрафы, которая милиция налагала за безнадзорность детей на их горе-родителей, оплачивали сами малолетние преступники из своей выручки. Многие из них устанавливали и поддерживали тесную связь с заключенными из соседнего Свирлага, уголовными и политическими. А некоторые даже крали документы у вольных и сбывали их «своим» заключенным. Под суд была отдана группа из 13 наиболее оголтелых бандитов [6, д. 1188, лл. 19-21].

На Северном Кавказе имели место подпольные группировки, сочетавшие делинквентные наклонности с протестными настроениями и дезавуированием фундаментальных принципов советской национальной политики и межнациональных отношений, в частности, равенства наций и интернационализма. По сообщениям органов народного образования Осетии, в школе хутора Ардонский (с. Мичурино) при попустительстве и участии некоторых местных учителей была создана националистическая группировка школьников-осетин, которая третировала и выдавливала из школы русских соучеников. А в г. Оржоникидзе (Владикавказ) группа подростков, называвших себя абреками, или абрек-заурами (по имени героя советской киноленты 1926 г., боровшегося в XIX в. с российской властью на Кавказе) объединилась в т.н. «шайку Шамиля». Она преследовала неугодных учителей и соучеников и насаждала в школе свои порядки [5, д. 2357, лл.65, 68].

В 1936 г. на станции Оловянная Читинской области органами НКВД была раскрыта контрреволюционная молодежная организация – «Союз читинской молодежи». Ее организаторы – некто Пельменев, позже объявленный японским шпионом, и работник связи Толмачев, объединили вокруг себя несколько взрослых единомышленников и двух старшеклассников из местной средней школы Дорофеева и Савватеева. Своей главной целью они поставили содействие освобождению заключенных, особенно молодых, с тем, чтобы с их участием вести дальнейшую борьбу с советской властью. Школьники отвечали за хранение динамита, бикфордова шнура, револьвера и 20 патронов, с помощью которых главари организации собирались взорвать и ограбить местное отделение Госбанка для того, чтобы увеличить свой боевой арсенал. Решением суда главные организаторы были приговорены к расстрелу, а остальные участники оставлены на свободе. Савватеев и Дорофеев успешно продолжили учебу, более того, проявили себя как активные комсомольцы. Савватеев, первым окончивший в школу, поступил в училище военных техников. Не исключено, что судьба этих юношей, несмотря на прошлые связи с расстрелянными «врагами народа», могла бы сложиться благополучно, если бы в 1937 г. не был репрессирован зять Савватеева, работавший с 1922 г. в органах НКВД. После этого при тщательной проверке у обоих парней в личном деле обнаружили компрометирующие факты: их отцы во время гражданской войны были пособниками «белобандита» Семенова. В свете открывшихся обстоятельств в общественной активности Дорофеева был усмотрен вражеский мотив: он якобы использовал свою должность председателя школьного совета для разложения общественной работы соучеников и стравливания их с учителями. Вроде бы на заседании Оловянинского райкома комсомола Дорофеев и Савватеев признали свои контрреволюционные позиции, а Дорофеев даже огласил настоящую причину своей

деятельности в комсомоле: «Я готовился поступать в авиационный институт, я понимал, для чего он мне нужен. Я показывал свою активность для того, чтобы получить себе поручителей от авторитетных людей, но, как видите, не удалось. Ну, еще поборюсь кое с кем». По донесению, оба парня были исключены из комсомола как враги народа [6, д. 1257. лл. 183-184]. С большой исторической дистанции практически невозможно различить, какая реальная мотивация скрывалась за хорошей учебой и комсомольским рвением этих двоих. То ли и в самом деле они нацеливались на сведение счетов с ненавистной властью через использование служебных полномочий в будущей деятельности, то ли «идейно разоружившись», просто были устремлены к карьере высококлассных специалистов. Кем бы они ни были в действительности, криминальный эпизод хранения оружия и соучастия в подготовке разбойного нападения на банк перечеркивал образ незапятнанных идейных борцов с режимом.

Описанные группировки указывают, с одной стороны, на незатихавшую даже в период разгула репрессий, неподконтрольную властям и школе активность учащихся. С другой стороны, на широкий спектр негативных явлений в среде школьников второй половины 1930-х, за которыми, действительно, стояли пассивность или заорганизованность пионерской и комсомольской работы, самоустранение школы от своей воспитательной миссии. Даже единственный положительный пример общественной самодеятельности – девичий «Союз отважных» – появился на свет как продукт неудовлетворенности школой и комсомолом вполне лояльных и законопослушных учащихся. Указанные изъяны, наряду с отсутствием родительского контроля, предопределили такие вопиющие случаи детского криминалитета, какие имели место в Узбекистане, Сыктывкаре, Лодейном Поле и Темниковской школе Мордовии.

И все же следует заметить, что вовлеченные в них подростки составляли ничтожный процент в многомиллионной армии советских школьников. При этом за исключением трех прецедентов исключительно уголовной специализации, делинквентное поведение и политическая протестность у подпольных группировок составляли две стороны одной медали. В этой связи можно выдвинуть предположение: такое устойчивое сочетание придавало отрицательный имидж даже организациям с преимущественной политической направленностью в глазах нормальных старшеклассников и не в меньшей степени, чем механизмы тоталитарного контроля и идеологической обработки, отвращало от принятия их парадигмы борьбы с режимом.

Литература

1. *Афанасьев Г.* «Контра» с портфелями [Электронный ресурс] http://genadiafanassjev.blogspot.ru/2011/06/blog-post_694.html (Дата обращения: 25.05.2015).
2. *Лойтер С.М.* Детские утопии, или игра в страну-мечту как явление детского фольклора// Русский школьный фольклор. От «вызываний» Пиковой дамы до семейных рассказов/ Сост. А.Ф. Белоусов. – М., 1998. – 744 с.
3. Подпольные молодежные организации, группы и кружки (1926-1953 гг.) Справочник/ Сост. И.А. Мазус при участии Н. Мазус и Н.Н. Михалевой. – М.: «Гос. Музей ГУЛАГа, 2014. – 368 с.
4. *Яковенко Е.В., Нелидов А.Л., Щелин Т.Т.* Девиантное и делинквентное поведение

детей и подростков. – Красноярск, 2012. – 232 с.

5. ГАРФ (Государственный архив РФ). М., 2006. (Министерство народного Просвещения РСФР), оп.69.
6. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф. М-1 (ЦК ВЛКСМ), оп.23.
7. ЦГАМ (Центральный государственный архив Москвы). Ф. П-634 (Московский Городской комитет ВЛКСМ), оп.1.

The illegal organizations of the school pupils in the Soviet Union of Great Terror Period

Volkova I.V., Professor of School of History, Faculty of Humanities Higher School of Economics National Research University, Doctor of Science (History) (wolkowa-irina @yandex.ru)

The article is devoted to the investigation of juvenile delinquent and illegal political groups in years 1936-1938. Despite of high tension in the society, teenagers and youth of that period did not leave the attempts to create illegal and alternative of pioneers and komsomol self-made organizations. On the basis of archive sources the author restores the full list of such groups, analyzes their membership, plans, methods and the results of activity. The article reconstructs the motives of different types of behavior, reveals the connections between delinquency and political protest in juvenile activities. As the result of the realized investigation the author makes the conclusion about the reasons of low weight of the mostly oppositional groups among teenagers and youth of that period.

Keywords: organized illegal juvenile groups, delinquent behavior, political protest, the connections between delinquency and political protest.

References

1. Afanasev G. «Kontra» s portfeljami. //http://genadiafanassjev.blogspot.ru/2011/06/blog-post_694.html
2. Lojter S.M. Detskie utopii, ili igra v stranu-mechtu kak javlenie detskogo fol'klora// Russkij shkol'nyj fol'klor. Ot «vyzyvanij» Pikovoj damy do semejnyh rasskazov. Sost. A.F. Belousov. - M., 1998. – 744 s.
3. Podpolnye molodezhnye organizacii, gruppy i kruzhki (1926-1953gg.) Spravochnik. Sost. I.A. Mazus pri uchastii N. Mazus i N.N. Mihalevoj. - M., «Gos. Muzej GULAGa, 2014.- 368 s.
4. Jakovenko E.V. Nelidov A.L. Shhelin T.T. Deviantnoe i delinkventnoe povedenie detej i podroستkov. - Krasnojarsk, 2012 - 232 s.
5. GARF. (Gosudarstvennyj arhiv RF) M. 2306. (Ministerstvo narodnogo Prosveshhenija RSFR), op.69.
6. RGASPI.(Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoj istorii).F. M-1 (CK VLKSM), op.23.
7. CGAM (Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Moskvy). F. P-634 (Moskovskij Gorodskoj komitet VLKSM), op.1.